

А. В. Павроз

МАНИПУЛИРОВАНИЕ И ПОДКУП КАК СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ

В устойчивых обществах деятельность правительства основывается на вере граждан в моральный авторитет власти и ее право принимать обязательные для всех решения. Однако такое положение вещей не типично для трансформирующихся обществ, в которых правительства зачастую не располагают высоким уровнем легитимности. Подобная ситуация имеет место и в современной России, где политический режим, если отталкиваться от типологии Д. Истона, практически не обладает идеологической, базирующейся на признании официально провозглашаемых ценностей, и структурной, связанной с убежденностью в оптимальности существующих институтов, легитимностью. Единственной основой власти является наименее стабильный персональный тип легитимности — доверие и поддержка гражданами конкретных политиков и государственных деятелей.

Так, по мнению россиян, власти не хватает целого ряда важнейших качеств: заботы о народе (54 %), некоррупционности (33 %), законности (30 %), честности (26 %), справедливости (24 %) [10]. Неоднозначно отношение граждан ко многим базовым установкам общественно-политического порядка: позитивная оценка Конституции (41 %) сочетается с незнанием ее основных положений (53 %) и убеждением в том, что Основной закон не помогает защищать права (44 %) [17]. Признание необходимости выборов (61 %) совмещается с представлением о том, что их результаты не отражают мнение народа (47 %) [9], а уверенность в должностовании уплаты налогов (69 %) не противоречит наличию «морального права» уклоняться от указанной обязанности (42 %) [6]... Имеет место стабильно низкий уровень одобрения деятельности основных политико-административных институтов: работу Государственной Думы одобряют 26 % и не одобряют 51 %; Совета Федерации — 27 % и 32 %; федерального правительства — 43 % и 38 %; политических партий — 22 % и 48 %; судебной системы — 28 % и 43 %; правоохранительных органов — 32 % и 50 % [18]. При этом количество людей, полагающих, что страна движется в правильном или неправильном направлениях приблизительно совпадает (40 % и 39 %) [25]. Доля же тех, кто считает, что государство отстаивает интересы всего общества (8 %), значительно меньше чем тех, кто уверен, что государство в России выражает и защищает интересы богатых (54 %) и бюрократии (52 %) [11, с. 15].

Единственным политическим институтом, обладающим высоким уровнем доверия и общественного одобрения, остается на протяжении последних лет институт президентства. В период с 2000 по 2008 гг. президенту в среднем полностью доверяли и скорее доверяли около 75 % россиян, а скорее не доверяли и полностью не доверяли — 17 %; одобряли его деятельность 79 % и не одобряли 19 % граждан [21]. Однако данный институт имеет ярко выраженный персоналистский характер и указанные высокие показатели одобрения и доверия связаны не столько с самим институтом президентства, сколько с фигурой конкретного популярного главы государства — В. В. Путина. Его преемник Д. А. Медведев успешно

© А. В. Павроз, 2009

«унаследовал» указанные позитивные показатели (доверие — 66 %, недоверие — 19 %; одобрение — 71,5 %, неодобрение — 21 %). Однако в 90-е гг. отношения россиян к институту президентства существенно не отличалось от общего низкого уровня оценки всех остальных властно-управленческих структур государства [23, 29].

В целом, опираясь на типологию Д. Истона, можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что легитимность власти в России является не диффузной, основанной на фундаментальной и долговременной поддержке наиболее важных принципов общественно-политического устройства, не зависящей от конкретных результатов деятельности правительства, а специфической, связанной с конъюнктурным признанием отдельных политических решений и институтов, исходящей из краткосрочных последствий функционирования системы государственного управления. В этой связи российская правящая корпорация, как и большинство правительств в обществах, переживающих процессы радикальных социально-политических трансформаций, вынуждена приобретать легитимность с помощью наглядно демонстрируемой эффективности [2]. Но именно стойкая неспособность эффективно осуществлять властные функции является базовым свойством современного политического режима в России.

Указанное обстоятельство нашло прямое отражение в общественном мнении. Нынешнее государство с точки зрения большинства россиян не может качественно реализовать приписанные ему функции. В общественном мнении преобладают негативные оценки основных направлений деятельности правительства:

- исполнение государством функции охраны прав и свобод граждан, прав собственности и правопорядка 4 % рассматривают россиян как хорошее, 28 % как удовлетворительное и 56 % как плохое;
- обеспечение равенства всех перед законом и судом — 6, 27 и 56 %, соответственно;
- прав на судебную защиту — 3, 28 и 50 %;
- регулирование производства и распределения товаров и услуг — 6, 31 и 39 %;
- налогообложение и взимание налогов — 17, 26 и 32 %;
- оборону страны — 13, 40 и 29 %;
- обеспечение прав на социальное обеспечение и пенсию — 6, 28 и 58 %.
- прав на охрану здоровья и медицинскую помощь — 4, 29 и 67 %;
- прав на бесплатное образование — 5, 21, 65 %;
- прав на жилье — 4, 19 и 69 %;
- развитие науки культуры и образования — 8, 32 и 46 %;
- охрану природы и использование ресурсов — 2%, 22 и 62 %;
- право на достойную жизнь и всестороннее развитие граждан — 2, 16 и 74 %;
- международное сотрудничество и решение глобальных проблем — 10, 28 и 16 % [11, с. 12, 14].

Даже несмотря на популярность В. В. Путина, граждане весьма неоднозначно оценивают результаты его деятельности. Безусловно признавая достижения в деле укрепления международных позиций России (74 %), довольно значительное в процентном соотношении число россиян считает, что президент без особого успеха или совершенно безуспешно решал проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан (42 и 12 %), наведения порядка (3 9 и 8 %), защиты демократии и политических свобод (37 и 12 %) [21]. Отмечая прогресс за время правления В. В. Путина в вопросах внешнеполитического положения страны (62 %), уровня жизни населения (61 %) и обстановки в Чечне (54 %), большое количество граждан отмечает отсутствие изменений или даже ухудшение ситуации в таких

принципиальных сферах как порядок и законность (37 и 23 %), права и свободы, развитие демократии (40 и 17 %), борьба с коррупцией (36 и 22 %), личная безопасность (41 и 25 %), отношения между людьми разных национальностей (40 и 32 %) [5].

В целом же, несмотря на некоторые улучшения, в том числе и в работе органов власти и управления, для пореформенной России характерен стабильно высокий уровень недовольства политической системой. В период с 1994 по 2005 гг. в среднем только 5 % граждан полностью устраивала политическая система, 39,7 % утверждали, что в ней много недостатков, но их можно устранить реформами и 37 % полагали, что политическую систему необходимо изменить радикальным образом. Причем данные показатели «эпохи Ельцина» (1994–1999 гг.) и «эпохи Путина» (2000–2005 гг.) не сильно отличаются: удовлетворенность политической системой испытывали, соответственно, 2,6 и 7,3 %, настаивали на реформировании 35,6 и 43,7 %, выступали за радикальные преобразования 42,2 и 32 % россиян [11, с. 9].

Указанное положение, обусловленное невозможностью адекватного идеологического обоснования своей власти и неспособностью эффективно исполнять основополагающие государственные функции, постоянно заставляет правящий режим прибегать к альтернативным методам подкрепления своего господства. Главными методами в отношении подобного рода между властью и обществом в пореформенной России стали стратегии манипулирования и подкупа.

Под манипулированием в политической науке понимается скрытое, осуществляемое преимущественно через средства массовой информации воздействие на индивидуальное и общественное сознание с целью создать психологические установки или вызвать политическое поведение нужной направленности [13]. Следует подчеркнуть, что далеко не все действия государства в информационной сфере представляют собой манипулирование. При любой форме правления государство находится в интенсивном информационно-коммуникационном взаимодействии с обществом и стремится посредством данного взаимодействия усилить легитимность своей власти и расширить социальную базу проводимого политического курса. Указанные действия не способны предопределить политический выбор в условиях информационного плюрализма — при отсутствии ограничений в формировании и выражении мнений, множественности разнородных и разнонаправленных источников информации, беспрепятственном и требующем минимальных затрат доступе к альтернативным суждениям по самому широкому кругу вопросов. Наличие подобного плюрализма является одним из базовых условий для демократии [4, 7, 27]. Его целенаправленное искажение посредством использования государством манипуляционных технологий путем сокращения количества доступной информации, утаивания «нежелательных» сведений, подачи тенденциозной информации и т. д. усиливает социальную поддержку и политико-административный потенциал режима, делая при этом невозможной свободу политического выбора, девальвируя значение демократических институтов и обеспечивая управляемый характер функционирования демократической системы правления.

Именно использование манипуляционных технологий является одним из ключевых элементов в поддержании легитимности и укреплении позиции политического режима современной России. Необходимо подчеркнуть, что манипулирование общественным мнением со стороны власти представляет собой не серию одновременных и конъюнктурных акций, связанных с предвыборными кампаниями, обоснованием отдельных решений и пр., но имеет системный характер, выступая в качестве устоявшейся практики взаимодействия государства и общества. Приемы манипулирования — инсинуации, замалчивание фактов, откровенная ложь и т. д. — давно стали повседневными инструментами управления, формируя в массовом

сознании ложную картину мира и определяя тем самым нужные поведенческие установки в обществе. При этом изменения, имевшие место в применении властью манипуляционных технологий с начала 90-х гг., были не качественными, а скорее количественными, вызванными постоянным расширением подконтрольной сети средств массовой информации. В результате к настоящему времени в руках государства сформировалась мощная пропагандистская машина, способная при помощи манипулирования общественным мнением достаточно эффективно влиять на социально-политические процессы.

Подобное развитие событий закономерно привело к выхолащиванию демократических институтов и становлению модели управляемой демократии, т. к. даже при полной свободе выбора системное искажение альтернатив дает запрограммированный результат функционирования демократических институтов.

И. Крастев назвал мнимыми демократиями (*democracy's doubles*) такие режимы, сочетающие в себе демократические элементы с автократическими, основанными на жестком манипулировании методами правления. Он указал на то, что данные режимы, используя демократические процедуры как средство самосохранения правящей элиты, устанавливая не только монополию на власть, но и монополизировав сам процесс борьбы за нее, лишь имитируют демократию, «действуя вне логики политического представительства» и подавляя «любой след истинного политического плюрализма» [1].

Целью выборов в рамках таких систем правления является не определение тех, кто будет осуществлять власть, но легитимация режима, «укрепление позиций тех, кто уже находится у власти» и «сокращение плюрализма политической системы» [3]. Казалось бы, указанная практика «выборов», «не создающих, а лишь отражающих уже сложившуюся власть» [27], исключительно благоприятна для правящих элит, т. к. позволяет бесконечно долго воспроизводить свое господство. Однако превращение института выборов из реального средства выражения народной воли в простой ритуал по поддержанию статус-кво со временем полностью ликвидирует легитимационный потенциал электоральных процедур.

Данную тенденцию уже можно наблюдать в современной России. Социологические исследования свидетельствуют о падении ценности института выборов для россиян. Если в 2003 г. 73 % граждан признавали, что выборы в принципе нужны, тогда как 20 % считали их ненужными, то в 2006 г. только 61 % опрошенных указали на необходимость выборов, доля сторонников противоположной позиции выросла до 23 % и более чем вдвое — с 7 до 16 % — увеличилось число затрудняющихся с ответом на вопрос, нужны ли в стране выборы [9]. При этом постоянно растет доля россиян, отрицающих свою способность как бы то ни было повлиять на политические процессы в стране: в 1995 г. — 45 %; 1998 г. — 52 %; 2000 — 50 %; 2003 г. — 69 %; 2005 г. — 74 % [11, с. 11].

Исходя из этого, можно утверждать, что управляемая система выборов не только снижает легитимационный эффект от голосования, но и демотивирует граждан к участию в политическом процессе. В этой связи массовое и регулярное использование манипуляционных технологий в избирательных кампаниях постепенно изживает себя, а получение необходимых результатов голосования все в большей степени становится не следствием умелой манипуляции общественным мнением, а итогом употребления административного ресурса (хорошей иллюстрацией к данному тезису могут быть результаты последних выборов в Государственную Думу в ряде национальных регионов РФ: за «Единую Россию» в Чечне проголосовали 99,36 % избирателей; в Ингушетии — 98,72 %; в Кабардино-Балкарии — 96,12 %; в Мордовии — 93,41 %; в Карачаево-Черкесии — 92,90 %; в Туве — 89,21 %; в Дагестане — 89,19 %).

Причем, указанное положение распространяется не только на сферу выборов, но в целом связано со спецификой использования властью манипуляционных стратегий в отношениях с обществом. Дело в том, что данные стратегии являются действенными лишь в течение определенного времени, после чего начинаются неминуемые сбои. Идеальная картина мира, создаваемая проправительственными политтехнологами и журналистами, включающая в себя как «поступательное движение к лучшему», так и «отдельные недостатки», не выдерживает столкновений с реальной действительностью. Доверие к средствам массовой информации, и власти, проводящей через них свою политику, падает, общество полностью перестает воспринимать информационные сигналы со стороны правительства и впадает в состояние автаркии...

Таким образом, манипулирование представляется весьма ненадежным средством поддержания власти, возможности которого изначально ограничены, а эффективность со временем убывает вплоть до состояния, когда предлагаемый информационный контекст начинает интерпретироваться обществом прямо противоположным образом по отношению к тем смыслам, которые закладывались создателями манипуляционных сообщений.

Другой доминантной стратегией поддержки позиций правящего режима стал подкуп. Данная стратегия, в отличие от манипулирования, основываясь на факторах материального порядка, вне всяких сомнений, является более устойчивой. Обращаясь в этой связи к опыту Советского Союза, можно с полной уверенностью утверждать, что стабильность коммунистического режима базировалась не только и не столько на идеологической пропаганде, сколько на том, что власть посредством перераспределительной политики сумела заручиться поддержкой целого ряда социальных групп: номенклатуры, интеллигенции, военных, представителей спецслужб, которые, будучи выделенными из общей массы «трудящегося населения», за абстрактными идеологическими формами видели свой узкокорпоративный интерес в укреплении правящего режима.

В 70–80-е гг. данная стратегия охватила более широкие слои общества, которые постепенно превращались из эксплуатируемых элементов в бенефициариев системы. Именно в этот период времени легитимность советского режима достигла своего пика. Однако коммунистическая система правления, основывавшаяся на перераспределительной политике подкупа различных социальных групп, не смогла пережить экономического коллапса конца 80-х — начала 90-х гг.

Новый российский режим в силу острых экономических проблем не был способен в полной мере применять стратегию подкупа для поддержания своей власти. Однако даже в этот период отказа от данной стратегии не произошло. Методы подкупа в социально-политических отношениях продолжали активно использоваться: в 90-е гг. были не только сохранены подавляющее большинство льгот и привилегий советской эпохи, но и введены много новых (хотя их материальное содержание и сократилось). Российские чиновники и сотрудники силовых служб гораздо меньше представителей других профессий страдали от проблем с задержками выплаты заработной платы. Президентская кампания 1996 г. сопровождалась массовой раздачей отдельным территориям, отраслям и социальным группам различных денежных и деятельностных преференций и т. д.

Ситуация резко изменилась с 2000 г. после значительного повышения доходов государственного бюджета вследствие роста цен на энергоносители. Правящий режим стал гораздо более широко использовать подкуп и перераспределительную политику для укрепления своей власти. Возросли расходы на обеспечение деятельности бюрократического и силового аппарата: на государственное управление и местное самоуправление — с 72,9 млрд руб. в 2000 г. до 223,0 млрд руб. в 2004 г.; на правоохранительную деятельность и обеспечение

безопасности государства — с 132,5 млрд руб. в 2000 г. до 714,1 млрд руб. в 2006 г.; на национальную оборону — с 191,7 млрд руб. в 2000 г. до 683,4 млрд руб. в 2006 г. Значительно увеличились расходы государства в период с 2000 по 2006 гг. и на социальную сферу (так называемые «социально-культурные мероприятия» — социальное обеспечение, образование, здравоохранение, культуру) — с 536,4 до 4546,4 млрд руб., включая рост выплат различных социальных пособий (с 78 510 до 467 523 млн руб.) и пенсий (с 331257 до 1 492 806 млн руб.) [22, с. 635–636, 195, 188].

Следует сказать, что подобная политика является типичной для многих авторитарных режимов. Ее смысл заключается не в достижении общественного блага, а в обеспечении лояльности населения к власти, в основе которой лежит не столько принятие важнейших принципов политического строя, сколько факторы материальной заинтересованности. Авторитарные правительства, не имея надежной идеологической легитимности, пытаются таким образом поставить население в ресурсную зависимость от своей власти, перевести характер социально-политического взаимодействия от принципал-агентской к патрон-клиентской модели отношений, в рамках которой уже не избиратели-налогоплательщики «нанимают» правительство, а сама власть — собственник главных экономических ресурсов — позволяет своим подданным-клиентам пользоваться частью принадлежащих ей богатств в обмен на безусловное признание своей политической гегемонии.

Симптоматичным в этой связи видится отмеченное нами значительное расширение экономической (концентрация ресурсов в руках государства) и социальной (распределение ресурсов) активности российского правительства. Данная активность подразумевает широкомасштабное замещение рыночных принципов обмена механизмами государственного перераспределения, ставящими граждан в состояние зависимости от власти. По самым приблизительным подсчетам, уже сегодня более половины россиян либо непосредственно работают на государство, либо получают от него различные социальные выплаты. 22 499 тыс. чел. заняты в государственном и муниципальном секторах экономики (включая 1577,2 тыс. чиновников и 1130,9 тыс. военнослужащих), число пенсионеров составляет 38 325 тыс. чел., 16 365 тыс. чел. выплачиваются многообразные ежемесячные денежные пособия и т. д. [22, с. 212]

Однако, несмотря на значительные социальные траты правительства и то, что реальные денежные доходы населения выросли в период с 1999 г. по 2006 г. примерно в два раза [22, с. 181], россияне довольно критично воспринимают свое материальное положение. Свыше трети граждан (38 %) отметили, что их уровень жизни в последнее время снизился, 45 % не обнаружили изменений в своем материальном положении и лишь 15 % процентов указали на его улучшение [26]. Столь же критически население оценивает результаты государственной социальной политики. Так, традиционно достаточно негативно отзываясь о положении дел в таких ключевых областях как здравоохранение (плохое и скорее плохое — 57 %; скорее хорошее и хорошее — 29 %) и образование (плохое и скорее плохое — 53 %; скорее хорошее и хорошее — 39 %) [14], большинство граждан не заметили каких ли бы перемен в указанных сферах ни в лучшую, ни в худшую сторону (46 и 38 %) [15], по-прежнему высказывая свою неудовлетворенность системами здравоохранения (64 %) и образования (48 %), будучи уверенными в невозможности получить качественное медицинское обслуживание (72 %) и хорошее образование (56 %) [8; 16].

В связи с этим, можно констатировать, что осуществляющаяся в настоящее время масштабная перераспределительная политика не дает сколь-либо заметных результатов. И в данном случае мы должны говорить не о изначально присущих подобной политике негативных эффектах или недостаточном старании правительства, а о том, что при отсутствии

эффективно функционирующей экономики и дееспособных механизмов государственного управления проведение действенной социальной политики и качественное повышение жизненного уровня населения в принципе не представляется возможным.

Доказательством верности данного тезиса может служить национальный проект «Доступное жилье». Попытка решения проблемы всегда актуального «квартирного вопроса» посредством стимулирования спроса путем использования выделенных государством субсидий в условиях ограниченности предложения закономерно привела к росту цен, сделав жилье для россиян еще менее доступным, в то время как изначально высокий уровень стоимости квартир и домов в значительной степени определяется бюрократизмом и коррумпированностью сферы жилищного строительства.

Важно подчеркнуть, что подобная низкая эффективность перераспределительной политики для режима, основывающего свою власть на стратегии подкупа, несет серьезную потенциальную опасность. Многочисленные социальные группы, не разделяющие ценностей политического строя, но принимающие режим из-за предоставляемых им материальных благ, в случае любого покушения на имеющиеся у них права и привилегии могут очень быстро перейти от безусловной поддержки власти к открытой и агрессивной оппозиции. Обеспечение же данных прав и привилегий в условиях слабой экономики и неэффективных институтов государственного управления является весьма затруднительным. В качестве примера, показывающего анатомию указанной проблемной ситуации, можно привести монетизацию льгот (2004–2005 гг.) и вызванные ею массовые народные выступления.

Таким образом, подкуп, хотя и представляет собой более действенный метод поддержания власти, чем манипулирование, но также имеет весьма ограниченный предел воздействия, требуя при этом наличия у правительства большого количества свободных ресурсов. Результативно функционируя в условиях крайне благоприятной внешнеэкономической ситуации, связанной с высокими ценами на энергоносители, данная стратегия не сможет эффективно использоваться при ухудшении экономической конъюнктуры и сокращении ресурсной базы режима, следствием чего станет трансформация привыкших к постоянному материальному стимулированию массовых общественных групп из опоры в главных оппонентов общественно-политического строя. Особенно актуальным данное положение представляется в свете разрастающегося в настоящее время глобального экономического кризиса.

Обобщая, следует сказать, что основной проблемой власти во взаимодействии с широкими слоями населения является не отсутствие ценностно-идеологической легитимности режима (подобное типично для многих переходных обществ), а неспособность приобрести общественное признание и доверие с помощью «наглядно демонстрируемой эффективности» [12]. Отсутствие эффективной системы государственного управления, препятствуя решению как контекстуальных, так и трансформационных проблем, подвигает к оппозиционным взглядам и действиям все сегменты российского общества. Модернизационно ориентированная часть социума не может принять имитацию выборов, фальшивые представительные институты и бюрократическую модель капитализма. Патерналистски настроенные слои, не имея идейных возражений против авторитарно-бюрократического режима, не довольны его неспособностью обеспечить должный уровень безопасности и материального благополучия. Использование в этой связи для укрепления власти стратегий манипулирования и подкупа может дать временный эффект стабилизации политического строя, но не может создать основ для гармоничных общественно-политических отношений и предотвратить более чем вероятный в указанных обстоятельствах кризис существующего режима правления.

Преодоление данной тупиковой ситуации возможно посредством достаточно очевидных мер — установлением нормальных либеральных демократических политических

институтов и повышением эффективности системы государственного управления. Однако второе крайне затруднительно в рамках специфики действующего режима, первое же чревато потерей власти для правящей элиты, а поэтому практически неосуществимо.

Литература

1. *Krastev I.* Democracy's «Doubles» // *Journal of Democracy*. 2006. Vol. 17. № 2. P. 52–54.
2. *Lipset S. M.* Political Man. The Social Bases of Politics. Baltimore, 1981. P. 64–70.
3. *Sestanovich S.* Force, Money, and Pluralism // *Journal of Democracy*. 2004. Vol. 15. № 3. P. 40.
4. *Битэм Д., Бойл К.* Демократия: вопросы и ответы. М., 1995. С. 23–25;
5. Владимир Путин: семь лет у власти // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 544. 02.10.2006. URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3286.html>.
6. Власть и народ в России: обновление повседневных практик и варианты институционального порядка. М., 2003. С. 113.
7. *Даль Р.* Введение в теорию демократии. М., 1992. С. 75–76;
8. Здравсохранение // Левада-Центр. 2007. URL: <http://www.levada.ru/community.html>.
9. Институт выборов и электоральное поведение россиян: опрос населения // ФОМ. 12.01.2006. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/elect/est_el/dd0600110.
10. Качество и качества Власти: восприятие населения. Фрагменты презентации результатов всероссийского опроса населения // Полития. 2005. № 2. С. 109.
11. *Леваинов В. К.* Гражданское общество и демократическое государство в России // Социологические исследования. 2006. № 1.
12. *Лунсет М.* Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 210.
13. Манипулирование политическое // Зарубежная политология: словарь-справочник. М., 1998. С. 130.
14. Национальные проекты: год спустя // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 525. 05.09.2006. URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3100.html>.
15. Национальные проекты: промежуточные итоги и перспективы: Опрос населения // ФОМ. 18.01.2007. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d070321>.
16. Образование // Левада-Центр. 2007. URL: <http://www.levada.ru/education.html>.
17. Отношение к Конституции: Опрос населения // ФОМ. 13.12.2007. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/power/pow_con/d074926.
18. Отношение россиян к основным общественным и государственным институтам // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 698. 25.05.2007. URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8257.html>.
19. Павроз А. В. Левая социально-экономическая политика и государство благосостояния в Западной Европе и США: история и современность // «Актуальные левые» в международном и российском политическом контексте: сб. статей. СПб., 2007. С. 180–193.
20. Президент. Одобрение и доверие // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/prezident.html>.
21. Президент. Оценки деятельности // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/ocenki.html>.
22. Российский статистический ежегодник. 2007. М., 2007.
23. Российское общество и радикальные реформы: Мониторинг социальных и политических индикаторов. М., 2001. С. 864–866.
24. Социальное положение и уровень жизни населения России. М., 2006. С. 212.
25. Стратегии развития России: перемены или стабильность? Опрос населения // ФОМ. 08.09.2005. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/power/pow_exa/dd053623.
26. Уровень жизни и динамика цен: Опрос населения // 23.03.2006. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd061223>.
27. *Холмс С.* Чему Россия учит нас сегодня // Конституционное Право: Восточноевропейское Обозрение. 1997. № 3 (20) / № 4 (21). С. 197.
28. *Хьюм Э.* Свобода печати // Вопр. демократии. 2005. Т. 10. № 1. С. 4–5.
29. *Шереги Ф. Э.* Социология политики: прикладные исследования. М., 2003. С. 390.